

ГОД назад, в мае 1982 года, при выполнении задания по оказанию интернациональной помощи погиб младший сержант Советской Армии Герман Панфилов. За проявленное мужество и героизм он награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Вм. нашему современнику, не было и двадцати, когда перешагнул он грань, за которой начинается бессмертие. А до этого он жил среди нас. Учился в школе № 8, в Прокопьевском техникуме физкультуры, закончив который, работал преподавателем в школе № 22. А осенью 1981 года был призван в армию. По традиции, сложившейся в городе, провожали призывников в Народном театре. На митинге с добрыми пожеланиями выступали представители городской партийной и комсомольской организаций, горвоенкомата, ветераны Великой Отечественной войны, родители. Настал момент ответного слова, произнести которое от имени всех предстояло и Герману Панфилову. Ранее виденное, слышанное, приобрело реальность.

— Партия зовет нас встать в ряды Советских Вооруженных Сил для охраны нашей Родины, — сказал он, — и где бы мы ни служили, заверяем наш народ в том, что будем с честью вести звание советских воинов. А если понадобится, готовы отдать свою жизнь. Так сказал за всех Герман Панфилов. Сказал, как думал сам.

Осшумели проводы. Далеко позади остались суголова вокзалов, наказания и слезы провожающих, рукопожатия друзей и близких... Новое место, новые товарищи, незнакомая доселе армейская жизнь...

«Сегодня уже 12-й день моей службы, — пишет он 25 ноября 1981 года сестре Ирине, — и я точно говорю, что стану настоящим солдатом... обратиться за 45 секунд для меня ерунда. Шинель и гимнастерку подшил за два часа. А это — четыре погона, четыре петлицы, пять пуговиц, голышка, эмблема и петель нигде не выдать...»

«Дела идут хорошо, — успокаивает он мать Валентину Петровну, а очередном письме домой, — до строевой подготовке

нахожусь в первой тройке, по огневой — второй результат, на политзанятиях отвечаю неплохо, а про физподготовку и говорить нечего. Был в увольнении за хорошие показатели в огневой подготовке, короче, службу, стараюсь...»

Так, почти в каждом письме: «Все хорошо, за меня не беспокойтесь». Только где-то в конце, нет-нет, да и прозвучит тоска по дому, друзьям, по родным сибирским краям, по Анжерке.

«Живем прямо, как дома, только вот чего-то не

на, Светлана. Она-то и рассказала о Германе: «Надежный он был и не по годам взрослый...». Может, потому, что в душе его надежно и бережно хранились воспоминания об отце, Евгении Дмитриевиче, который погиб в шахте, когда Герману исполнилось семь лет. С тех пор по отцу он сверял свою жизнь, свои поступки, его звал в свои судьи.

В Прокопьевске, в техникуме физкультуры, шел смотр-конкурс художественной самодеятельности. На сцену вышел Герман.

Словам его друзей Юры Головина и Юры Баянова, в трудную минуту был готов помочь словом и делом, а и в том, что он полюбил свою первую любимую девушку, когда она вышла замуж за другого, и поэтому с радостью принял весть о том, что она родила сына, назвала которого Женька, как они когда-то мечтали, в честь отца Геры...

И еще о его отношении к земле: «Евгеньевна, — пишет Герман сестре, — высылаю тебе цветочки, которые появились тут первыми, не знаю только,

ТВОЙ СОЛДАТ, РОДИНА!

хватает... Вчера выпал снег, настоящий, как у нас... или «сейчас в программе «Время» передали, что у нас минус 7 градусов, а здесь плюс 18. Был бы сейчас дома, глядел бы на снег и думал о том, что скоро Новый год...»

Наверное, это чувство присуще каждому человеку, разница лишь — в какой мере, а он просто не умел чего-то делать вполсилы, кое-как, не мог он чувствовать, любить в полудуши — «ничего или все!». Максимализм, в хорошем значении слова, был характерен для Германа во всем: и в жизни, и в работе, и в любви...

«Ты помнишь школу, этот вечер:

Кружился в вихре танцев бал,

И я, набравшись силы духа,

Тебя на танго пригласил».

Так писал он в своем первом стихотворении ей, его первой любви, но не только писал. Валь «все или ничего!», и он не побоялся прочесть их в один из вечеров поэзии, открыл, доверил чувства, живущие в нем, мальчикам и девочкам из их класса, их школы. Думаю, да и просто уверена: на это решится не каждый.

Жизнь так сложилась, что проводила в армию и ждала его другая девуш-

ка, Светлана. Она-то и рассказала о Германе: «Надежный он был и не по годам взрослый...». Может, потому, что в душе его надежно и бережно хранились воспоминания об отце, Евгении Дмитриевиче, который погиб в шахте, когда Герману исполнилось семь лет. С тех пор по отцу он сверял свою жизнь, свои поступки, его звал в свои судьи.

В руках — гитара, зал пригик, насторожился. Полилась торжественно-печальная мелодия. Она звенела и замирала в его негромком голосе, таяла, растворялась в десятках глаз, устремленных на сцену. Он исполнял свою любимую песню «Игуравли» Яна Френкеля на слова Р. Гамзатова.

Когда в девятом «Б» классе, где учился Герман, проводили анкету, то на вопрос, что больше всего вы цените в людях, он ответил: «Доброту и порядочность». И ответил так не случайно — это были главные черты его характера. Не удержусь, чтобы вновь не обратиться к его письмам из армии: «...30 декабря 1981 года. За последние три дня 80—90 километров марша, бег в противозапах, стрельба, взрывы, газы и т. п. Получается, как у Твардовского: «Много раз ходил в атаку? — Да, да случалось иногда». В последний день, то есть сегодня, я был самым «полным» человеком. Парни идут в наступление, а я выабрасываю дымовые шашки. Они замучались снимать и надевать противогазы...». Иначе не мог писать Герман Панфилов, ибо быть там где труднее — это его память об отце, его самое непреложное жизненное правило.

Его доброта. Она видна не только в том, что он возился с дворовыми мальчишками, учил их играть в футбол. Она не только в том, что он, по

как они называются, а еще два я не стал врать, потому что они растут и у нас...». Незначительный штрих, а говорит о многом. Об умении видеть мир вокруг себя и беречь его...

Мой рассказ о Германе не претендует на полноту и исчерпанность (не возможно в одном материале рассказать о любом человеке, даже если ему всего 20 лет), но он был бы неполным, если бы я не рассказала о его отношении к маме, Валентине Петровне, которая была для него не только родным, но и настоящим близким человеком. Ведь это она воспитала его. Она привила ему любовь к книгам, к людям. Не удивительно поэтому, что он очень любил ее.

Материнское сердце... ничем его не измерить, ни с чем его не сравнить. Тяжело было без сына, проводила в армию и не спалось. Вот и дочка рядом, а Геры не хватало. Прошло уже несколько месяцев, а она все теми же мыслями там, рядом с сыном — пишет ему письмо о намерении приехать, повидаться. Гера на это отвечает заботливо, в то же время по-мужски:

«Приехать ко мне можно, но нужно ли? Отпустят меня на три дня и все, а тебе ехать в поезде шесть суток...». И лишь в конце письма, как бы невзначай: «Да, мам, не забудь себя, заболел желтухой, пишите по старому адресу...»